

К проблематике перевода библейских, а также коранических названий ангелов и духовных существ (в письменных памятниках татар Великого княжества Литовского и польских переводах Библии и Корана)

Йоанна Кульвицка-Каминьска

1. Введение – цель и методы работы

Исследованием специфической, главным образом религиозной, письменности татар Великого княжества Литовского¹ занимается область знания, именуемая китабистикой.² Ее название связано с наиболее типичным и характерным видом письменности татар – рукописными китабами (с араб. كتاب kitāb ‘книга, писание, документ’; с артиклем ألكتاب al-kitāb ‘Коран, Библия’).

Одно из главных заданий китабистики – определение возможностей, способов и методов адекватного перевода мусульманских религиозных текстов на языки извне круга культуры и традиций ислама, в особенности славянские – польский и белорусский.

Проблему перевода мусульманской религиозной терминологии на славянские языки с указанием интерференции двух монотеистических религий – ислама и христианства, затрагивают в своих

1 В дальнейшем ВКЛ – *Cz. Łapicz. Kitabistyka a historia języka polskiego i białoruskiego // Rocznik Sławistyczny*. T. LVII. Warszawa: 2008. С. 38.

2 Сравни. *Łapicz. Kitabistyka a historia języka*. С. 31.

роботах Ч. Лапич,³ А. Дрозд,⁴ К. Дуфала,⁵ Г. Мишкинене,⁶ И. Кульвицка-Каминьска,⁷ И. Радзишевска,⁸ И. Сынкова, М. Тарелка.⁹

3 Cz. Łapicz. Z zagadnień przekładu muzułmańskiej terminologii modlitewnej na język polski i białoruski // Z przeszłości i terażniejszości języka polskiego. Księga pamiątkowa dedykowana Teresie Friedelównie. Toruń: 2007. С. 99–117; Łapicz. Chrześcijańsko-muzułmańska interferencja religijna w rękopisach Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos, Bibliotheca Archivi Lithuanici. Wilno: 2009. С. 293–310; Łapicz. Z teorii i praktyki przekładów Koranu (wybrane zagadnienia) // Chrestomatia teolingwistyki. red. A. Gadomski, Cz. Łapicz, Symferopol: 2009, С. 269–288.

4 A. Drozdz. Tatarska wersja pieśni–legandy o św. Hiobie // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka. Poznań: 1995. T. II (XXII). С. 163–195; A. Drozdz. Wpływy chrześcijańskie na literaturę Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej. Między antagonizmem a symbiozą // Pamiętnik Literacki. Wrocław: 1997. zesz. 3. С. 3–34; A. Drozdz. Arabskie teksty liturgiczne w przekładzie na język polski XVII wieku. Zagadnienia gramatyczne na materiale chutb świątecznych. Warszawa: 1999.

5 K. Dufala. Legenda o św. Grzegorz w kitabie Tatarów – muzułmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego // Chrestomatia teolingwistyki. red. A. Gadomski, Cz. Łapicz, Symferopol: 2009. С. 205–220.

6 G. Miškinienė. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai. Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys. Wilno: 2001.

7 J. Kulwicka-Kamińska. Semantyka i przekład leksemów księga, pismo, słowo w polskich translacjach biblijnych i koranicznych // Pogranicza. Łódź: 2007. С. 327–347; J. Kulwicka-Kamińska. Bałwany i bogowie w Koranie i w Biblii – polski przekład i jego analiza leksykalno-semantyczna // Studia nad słownictwem dawnym i współczesnym języków słowiańskich. Toruń: 2007. С. 103–113; J. Kulwicka-Kamińska. Nazwy bogów pogańskich w Koranie i w Biblii – polski przekład i jego analiza leksykalno-semantyczna // Z przeszłości i terażniejszości języka polskiego. Księga pamiątkowa dedykowana Teresie Friedelównie. Toruń: 2007. С. 47–69; J. Kulwicka-Kamińska. Ewangelia, Pięcioksiąg, Psalm, Tora w dawnych i współczesnych translacjach biblijnych i koranicznych // Tradycja a nowoczesność. Łódź: 2008. С. 101–114; J. Kulwicka-Kamińska. Przekład słownictwa dogmatycznego islamu i chrześcijaństwa w polskich translacjach biblijnych i koranicznych (na przykładzie wybranych nazw bogów pogańskich) // Tożsamość na styku kultur. Zbiór studiów. red. I. Masojć, R. Naruniec. Wilno: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008. С. 372–390; J.

Часть из них (Дрозд, Дуфала, Мишкинене, Радзишевска, Сынкова, Тарелка) указывают на присутствующие главным образом в китабах и хамаилах христианские источники (фрагменты Библии, а также христианской религиозной литературы), которые творчески использовали, адаптируя к правилам и канонам мусульманской веры, татары ВКЛ. Ч. Лапич кроме того занялся анализом перевода Корана на славянские языки. Он описал причины появления первых коранических переводов в форме татарских тефсиров, трудности, с какими столкнулись их переводчики, а также принятые ими решения проблем перевода, напр., славизация оригинальных терминов, применение аналитических форм и трансляторской аналогии к христианской терминологии.

Целью исследований И. Кульвицкой-Каминьской является как определение методов адекватного перевода мусульманской терминологии на славянские языки, так и установление сферы и характера взаимозависимости между библейскими и кораническими переводами.

В настоящей статье рассматриваются способы перевода названий ангелов и духовных существ из арабского на славянские языки в письменности татар ВКЛ, а также в польских переводах Корана. Они сопоставляются с аналогичными названиями, выступающими в польских переводах Библии. Предпринимается также попытка определить, являются ли фразеологические обороты, выступающие в письменных памятниках татар ВКЛ и в польских переводах Корана,

Kulwicka-Kamińska. Sposoby przekładu chrześcijańskiej i muzułmańskiej terminologii religijnej w polskich translacjach biblijnych i koranicznych // Chrestomatia teolingwistyki. red. A. Gadomski, Cz. Łapicz. Symferopol: 2009. С. 333–348; J. Kulwicka-Kamińska. Z problematyki przekładu muzułmańskiej i chrześcijańskiej terminologii religijnej (na podstawie piśmiennictwa Tatarów litewsko-polskich, polskich przekładów Koranu i Biblii) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos, Bibliotheca Archivi Lithuaniae 7. Wilno: 2009. С. 335–345.

8 Неопубликованная диссертация – *Chamały jako typ piśmiennictwa religijnego muzułmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego (na podstawie słowiańskiej warstwy językowej)*. Toruń: 2010. С. 343.

9 *I. Synkova, M. Tarelka. Адкуль пайшлі ідалы. Мінск: 2009.*

характерными для таких текстов при образовании так называемой коранической фразеологии, в какой степени они отражают библейскую фразеологию или ресурсы общего польского языка и его северо-восточного варианта. В случае, если подтвердятся аналогии в образовании библейской и коранической фразеологии, будут определены сфера и характер взаимоотношений между библейскими и кораническими переводами.

В статье используется филологический метод. Это связано с тем, что основой исследования являются религиозные тексты, с которых и был выбран лексический материал.

2. Источники

Источником выборки лексики являются печатные переводы Корана на польский язык, а также письменные памятники татар ВКЛ, написанные арабской графией, требующие транскрипции или транслитерации. Это религиозные мусульманские тексты – для их выборки использовался тематический критерий. К ним относятся происходящие из XVII века первые сохранные копии XVI века татарских памятников¹⁰: *Kitab z Kazania, Chamaił lipski*,¹¹ из XVIII века тексты: *Tefsir 1725 г.* – фрагмент,¹² *Tefsir 1788 г.* – фрагмент (рукопись *Łapicz*), *Kitab Łuckiewicza* – фрагмент,¹³ *Kitab Milkamanowicza*,¹⁴ из XIX века – выборка лексического материала из XIX-вечных

10 Объяснение сокращений, принятых для текстов-источников, находится в конечной части статьи.

11 Транслитерация: *Miškinienė. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai.*

12 Транслитерация: *G. M. Meredith-Owens, A Nadson. The Byelorussian Tatars and their Writings // The Journal of Byelorussian Studies. T. II. nr 2. Londyn: 1970. С. 141–176; P. Suter, Alfurkan Tatarski. Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln Weimar Wien: 2004. С. 374–446.*

13 Транслитерация: *J. Stankievič. Příspěvky k dějinám běloruskeho jazyka na základě rukopisu ‘Al-Kitab’ // Slavia, Rocznik 12. 1933–1934. С. 357–390.*

14 Транслитерация – рукопись *Łapicz*: *Cz. Łapicz. Kitab Tatarów litewsko-polskich (Paleografia. Grafia. Język). Toruń: 1986; Филологический перевод: H. Jankowski, Cz. Łapicz. Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku. Warszawa: 2000.*

китабов в форме словарей, обработанных С. Акинер¹⁵ и А. Вороничем,¹⁶ *Wykład wiary machometañskiej czyli islamskiej* Ю. Соболевского из 1830 г., а также из XIX и XX веков печатные переводы Корана: Коран, приписываемый Я. Бучацкому из 1858 г. (тождественный раннее изданному Корану в переводе филоматов ксендза Д. Хлевинского и И. Домейки – Познань 1848¹⁷), *Werset y z Koganu* в переводе Я. Шынкевича из 1935 г., Коран в переводе Ю. Белявского из 1986 г., Коран из 1990. Кроме того, следует отметить, что рукописные памятники татар ВКЛ и печатные переводы Корана составляют две отдельные группы источников, так как первые переводчики Корана на польский язык, то есть филоматы ксендз Д. Хлевински и И. Домейко – как это вытекает из исследований (незнание типологии письменности татар ВКЛ, что подтверждает в своих мемуарах Францишек Мицкевич, брат Адама Мицкевича) – не пользовались религиозными книгами татар ВКЛ, хотя перевод филоматов и основанный на нём перевод, приписываемый Яну Мурзе Тарак-Бучацкому, создавались в среде татар.

К числу источников относятся также польские печатные переводы Библии: из XVI и XVII веков: *Biblia brzeska* из 1563 г., *Biblia nieświeska* из 1572 г., *Biblia* в переводе J. Wujka из 1599 г., *Biblia gdańska* из 1632 г., а также, для сравнения – современный перевод – *Biblia Tysiąclecia*.

15 S. Akiner. The Byelorussian Tatars and their Writings // The Journal of Byelorussian Studies. Т. III. Nr 2. Londyn: 1973. С. 55–84.

16 A. Woronowicz. *Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość* // Rocznik Tatarski. Т. II. 1935. С. 376–394.

17 Это вероятная дата издания перевода – принятая на основании *Bibliografii Polskiej Estreichera XIX stulecia*. VI. Kraków: 1881. С. 379, а также определений в этой области *J. Wójcika*. *Filomacki przekład Alkoranu dla Tatarów nowogródzkich* // *Literatura Ludowa*. nr 3. 1995. С. 15–28 и *T. Bairašauskaitė*. *Lietuvos totoriai XIX amžiuje*. Wilno: 1996.

3. Проблема перевода религиозных текстов (Библия, Коран) на национальные языки

Анализируя как старопольские переводы Библии, так и переводы литовско-польских мусульман, а также более поздние, из XIX и XX веков печатные переводы Корана на польский язык, следует учесть трудности и ограничения, с которыми сталкивались переводчики.

В старо- и среднепольский период, как замечает И. Квилецка:

Z jednej strony trudności sprawiał nasz język ojczysty, surowy jeszcze i mało przystosowany do oddawania skomplikowanych pojęć i nowych terminów, z drugiej zaś strony stawał na przeszkodzie ubogi stan wiedzy o wielu podstawowych faktach i rzeczach, z którymi tłumacz stykał się w oryginale – tak odległych i obcych polskiej rzeczywistości – dla których trzeba było znaleźć odpowiedniki w języku polskim. [...] Biblia zaś – w tym szczególnie Stary Testament – jest dziełem wyjątkowo trudnym do tłumaczenia. Oryginał powstawał etapami w bardzo odległych czasach, był wytworem odmiennej kultury, napisany został w trzech różnych językach przez wielu autorów, zawierał w sobie różne rodzaje literackie i bardzo różnorodną treść.¹⁸

Итак, больше всего трудностей переводчикам причиняло соответствующее отражение библейской действительности. То же касается письменности татар ВКЛ – необходимость передать в переводе на славянский язык (т. е. на польский и/или белорусский язык, особенно в условиях их функционального и стилистического развития в XVI веке) специфику исламской религии, возникшей в другое время и в другой культуре, адресованной совсем другой общине верующих и запечатленной первоначально с помощью структурно другого, чем славянские, арабского языка и алфавита.¹⁹ Из этого вытекает проблема непереводимости религиозной терминологии ислама на славянские языки. Её последствием является: функционирование оригинальной, то есть арабской или турецкой

18 I. Kwilecka. *Studia nad staropolskimi przekładami Biblii*. Poznań: 2003. С. 96.

19 Łapicz. *Z zagadnień przekładu*. С. 100.

терминологии (перемещенной в неадаптированной форме, напр. *Isrāfīl* в КЛ или славизированной, напр. *Ísrafil* в КМ из ар. إسرائیل *Isrāfīl*), использование – путем переводческой аналогии – христианской терминологии (напр. *mości anełśk’е* в КМ), а также образование неологизмов (напр. *dušejemca* ‘тот, кто захватывает душу’ в КЛ, **pytalnik*²⁰ ‘тот, кто спрашивает’ в ChL, КМ и Ww) и неосемантизмов (напр. *p’ek’elnij vojevoda* ‘дьявол’ в КЛ).

4. Способы и методы перевода мусульманской терминологии в письменности татар ВКЛ

Итак, в анализируемых переводах можно выделить три основных способа передачи как собственных, так и нарицательных имен. Это: 1) перемещение (перенесение термина в иноязычной форме как цитаты), 2) славизация (формально-семантические заимствования, т. е. заимствования формы и значения слов, а также их адаптация к лексико-грамматической системе польского языка), свидетельствующие о проблеме непереводаемости религиозной терминологии на славянские языки, и 3) перевод (поиски родных семантических эквивалентов) – можно назвать несколько методов перевода, напр. замена иноязычного термина его значением, употребление метонимии, перифразы, антономазии, образование неосемантизмов и неологизмов (прежде всего морфологические дериваты, образованные путем суффиксации), а также структурные заимствования.²¹

Оригинальная, арабская или турецкая терминология, перемещенная или славизированная, выступает прежде всего в письменности татар ВКЛ, ввиду чего подчеркивается ее непереводаемость, то есть отсутствие в славянских языках адекватных лексических и семантических эквивалентов. Кроме того, заимствованная терминология была показателем исламской культуры и религии, служила условием точности и однозначности текста. Полагалось, что эта терминология должна быть понятна для мусульман, принимающих

20 *Приведены формы, реконструированные на основании структур, исходящих из контекста, которые выступают в косвенных падежах.

21 Ср. *Kwilecka*. *Studia nad staropolskimi przekładami Biblii*. С. 302.

участие в религиозной жизни общины. Тенденция же возвращать оригинальное правописание иноязычных имен наблюдается в КЗ, ввиду чего, в свою очередь, подчеркивается их особенность, ключевая роль в исламе, а также верность арабскому подлиннику.

К перемещенным названиям (прежде всего это имена собственные), выступающим в письменности татар ВКЛ относится, напр. *Isrāfil* (KL) из ар. Isrāfil, а в КЗ **Mālik* из ар. مالك mālik ‘хозяин, господин,’ *Iblīs* з ар. إبليس Iblīs.

Славизированные слова (как имена собственные, так и нарицательные) это, напр. *Azrail* (Ww), *‘Ezra’il* (KL), *‘Ez’ra’il* (KL), *‘Ezrak’il* (KM) из ар. عزرائيل ‘Azrā’il, ‘Izrā’il; *Dadžal* (W), *Dedždžal* (KM, KL), **Diedžal* (Ww) из ар. دجال Dağğal ‘персонаж созданный по образцу христианского антихриста’; **Ėbra’il* (T1), *Džebra’il* (ChL), *Džebra’il* (KL), *Džebra’il* (KŁ), *Ėbra’k’il* (KM) из ар. جبرئيل, جبريل Ėbra’rā’il, Ėbrīl; *džin* (KL), *džyn* (W) из ар. جن ġinn ‘дух’; *džynieĵ* (W), *czynaj* (ChL, W), *czenij* (ChL) из ар. جنی ġinnī ‘духи’ и тур. –çi; *Fereĵ* (ChL, KL), *Ferij* (KŁ), *Fierei* (KL), *Fiereĵ* (W) из ар. فرعي far‘/ī 1. ‘частичный’; 2. ‘вторичный’; 3. ‘второстепенный’ – ср. ар. fariyyu ‘злой дух, сумасшедший’ или ар. fariyyun ~far’/ī ‘странный; чужак’; **imam* (KŁ) из ар. إمام imām ‘глава, начальник’; *Haruta* (T2), *Harūt’a* (T1) из ар. هاروت Hārūt; *Maruta* (T2), *Marūt’a* (T1) из ар. ماروت Mārūt; *Mek’ak’il* (KM), *Mek’a’il* (KL), *Meka’il*, *Michael* (KŁ), **Michajel* (T1) из ар. ميكال Mīkāl или ар. ميخائيل Mīhā’il; *melek* (W) из ар. ملك malak ‘ангел’; *Munk’ir ve Nek’ir* (KM, KL), *Munkir i Wieniekkir* (Ww) из ар. منكر و نكير Munkar wa Nakīr; **ruĵ* (T2) из ар. روح rūḥ ‘дух’; *szejtan* (KL) из ар. شيطان šayṭān ‘сатана, дьявол’; **zebanije, zebanje* (W) из ар. زبانية zabāniya 1. ‘лакеи, прислужники’; 2. ‘агентура’; 3. ‘дьяволы.’ Среди них выступают выражения: *k’irama k’at’ibine* (KL) из ар. كرام kirām ‘благородность, великодушие, гордость, уважение’ + ар. كاتب kātib ‘писарь, переписчик, писец’ как названия ангелов Мункира и Некира или *‘eršovij muezzin* из ар. عرش ‘arš ‘престол’ (у татар ВКЛ выступает в славизированной форме *arsz, ersz* и употребляется в значении ‘престол божьего величества,’ ‘Божий трон,’ от них образовались дериваты *aršovij, arszowu, ‘eršovij, erszowu*) и ар. مؤذن mu’adḍin, употреблённое как название ангела, призывающего на молитву.

Вышеназванные лексические заимствования отражают разные стадии их приспособления к фонетике польского и белорусского языков. Итак, можно выделить слова, усвоенные графически, напр. *‘Ezra’il*, *‘Ez’ra’il*, *‘Ezrak’il*; *Dadžal*, **Diedzał*; *dżyniey*, *czynaj*, *czenij*; *Ferej*, *Ferij*, *Fierei*, *Fierej*; **Is’rafil*, *Is’refil*, *Israfil*; *Meka’il*, **Michajel*; *melek*; *mueżżin*; *Munkir i Wieniekkir*; *szejtan*; **zebanije*, *zebanje*, а также слова, усвоенные фонетико-графически, напр. *Azrail*; *De-dźdźal*; **Ėgebra’il*, *Dźebra’il*, *Dźebra’il*, *Ėbrak’il*; *džin*; **imam*; *Israfil*; *k’ata’ib*; *Xers*; *Mek’a’il*, *Mek’ak’il*; *Munk’ir ve Nek’ir*, *Munkir wa Nakir*. На фонетическом уровне следует отметить прежде всего процесс субституции, то есть замену иноязычных звуков звуками польского языка (напр. в польской фонологической системе отсутствуют фонемы, обозначенные в арабском языке графемами: ح (ḥā’), ج (ǧīm), خ (ḫā’), ذ (dāl), ص (šād), ض (dād), ط (tā’), ظ (zā’), ز (zā’), ع (‘ayn), غ (ǧayn), ث (tā’), ق (qāf), ل (lām), ش (šīn). Они были заменены артикуляционно близкими звуками, напр. ل (lām) передается как l или ł – *Azrail*, *‘Ez’ra’il*; *Dadžal*, *Dedźdźal*; *Dźebra’il*, *Dźebra’il*; *Israfil*, *Is’refil*; *Mek’a’il*, *Meka’il*; ج (ǧīm) воспринималось как dz, dź, а также cz – *Dadžal*, **Diedzał*, *Dedźdźal*; *Dźebra’il*; *džin*, *dżyn*, *czenij*, ذ (dāl) реализовалось как ź – *mueżżin*; ط (tā’) как t – *szejtan*, ش (šīn) как sz – *szejtan*, а ح (ḥā’) как χ- *ruχ и т. д.

Лексические заимствования подлежат славизации также и на морфологическом уровне. Чаще всего они склоняются по славянской парадигме, напр. *Azrail* (*‘Ez’ra’il*, *‘Ez’ra’il*, *‘Ezrak’il*), *Ėgebra’il* (*Dźebra’il*, *Dźebra’il*, *Dźebra’il*, *Ėbrak’il*), *ferej* (*fierej*, *fierei*, *ferij*), **imam*, *Israfil* (**Is’rafil*, *Is’refil*, *Israfil*, *Izrafil*), *Mek’a’il* (**Michajel*, *Meka’il*, *Mek’ak’il*), *džin* (*dżyn*, *dżyniey*, *czenij*, *czynaj*), **ruχ*, **zebanije* (*zebanja*). В связи с адаптационными процессами в сфере морфологии заимствованные слова подразделяются на: морфологически не усвоенные (то есть слова, сохранившие иноязычные словообразовательные элементы – префиксы, суффиксы, реже – флексийные морфы) и морфологически усвоенные (слова, в которых иноязычные словообразовательные элементы заменяются славянскими). К первому разряду относятся, напр. *dżyniey*, *czenij*, *czynaj* (ар. ед. ч. جنى ğinnī + тур. –çi) – сохранившие турецкий суффикс –çi, dži, который в памятниках татар ВКЛ выступает как –czej, –dzej, а также слово

kierubiler (ар. karübī + тур. –lar) – сохранившее турецкий показатель множественного числа –lar. Ко второму же разряду относятся дериваты, образованные от иноязычных слов по словообразовательным правилам славянских языков, с помощью славянских формантов, напр. имена прилагательные с формантом –skij, –nij, –ckij (–ij (y)) в конце слова такие как *imamśk'ij*, *szejtańśk'ij*, с формантом –ski (окончание –i(y) такие как *imamski*, *fierejska*, с формантом –ow (суффикс, образующий притяжательные имена прилагательные), напр. *'ezra'ilow*, *imamowa*, *israfilow*, *szejtanow*, с формантом –owu (суффикс, образующий ряд имен прилагательных от существительных; здесь необязательно выступает взаимоотношение между словообразовательной основой и дериватом), напр. *dzebrailowij*, с формантом –stwo (суффикс, образующий абстрактные имена существительные), напр. *imamstwo*, с формантом –ka (суффикс, образующий названия лиц женского пола), напр. *fierejka*. В письменности татар ВКЛ выступают также исламизмы, представляющие собой сложные дериваты (содержащие более, чем одну основу), напр. *ruchullach* (ар. روح rūḥ + ар. الله 'allāh). К числу морфологически усвоенных следует отнести также те слова, в которых иноязычные суффиксы заменились славянскими в переводческой основе, напр. *ferej*, *ferij*, *fieriej*, *fieri* (ар. فرعي far'ī – ср. ар. fariyu или ар. fariyūn ~farī), *kierrubej* (ар. karübī – ср. ар. المقربون al-muqarrabūn ‘херувимы’) или слова, в которых произошла деплюрализация (иноязычные формы множественного числа заимствовались как единственное число), напр. *džinn* (ар. mn. ч. جن ġinn), *kierrubej* (ар. mn. ч. karübī), *zebanje* (ар. mn. ч. زبانية zabāniya). В процессе славизации существительные, кончающиеся на согласный татары ВКЛ рассматривают как существительные мужского рода, напр. **imam* (ар. إمام imām), *k'ata'ib* (ар. كاتب kātib), *melek* (ар. ملك malak), *muezzin* (ар. مؤذن mu'addin), *szejtan* (ар. شيطان šayṭān), кончающиеся на гласный –e – как существительные среднего рода, а кончающиеся на гласный –a как существительные женского рода.²² Интересный пример представляют собой слова *harūt'a*,

22 «В связи с тем, что в арабском языке в именах существительных категория рода чаще всего выражается нулевым окончанием в мужском роде, напр. fāris [...] и несколькими окончаниями в женском роде: –ā'(u), –a(tun), пр.

marūt'a (T1) и *haruta, maruta* (T2), принявшие в именительном падеже ед. ч. окончание – а и склоняющиеся как существительные женского рода, хотя в арабском языке они кончаются на согласный (ср. هاروت Hārūt, ماروت Mārūt) и относятся к мужскому роду.

Грамматический род собственных имен лиц, в свою очередь, независимо от окончания определяется по полу обозначаемого лица, напр. *Azažil* (ар. 'Aḏ'azil), *Azrail*, 'Ez'ra'il, 'Ezra'il, 'Ezrak'il (ар. عزرائيل 'Izrā'il, 'Azrā'il), *Dadžal*, *Dedždzal*, **Diedžal* (ар. دجال Dağğal), *Džebra'il*, *Džebra'il*, *Džebra'il* (ар. جبرئيل Ġabrā'il, Ġibrīl), *Israfil*, **Is'rafil*, *Is'refil*, *Išrafil* (ар. اسرافيل Isrāfīl), *Mek'a'il*, *Meka'il*, *Mek'ak'il* (ар. ميخائيل Mīhā'il).

Большинство вышеприведённых названий, выступающих в письменности татар ВКЛ, следует отнести не к чистым заимствованиям, а к генетически ориентальным словам, употреблённым в определённой коммуникативной ситуации на почве славянских языков. Сфера употребления этих слов ограничена – они выступают прежде всего в письменных памятниках литовско-польских мусульман и/или в коранических текстах, то есть они не функционируют в лексической системе польского языка и знакомы не очень широкому кругу его носителей. Только некоторые из анализируемых иноязычных слов отмечаются словарями польского языка, отражающими его состояние в XIX и XX веках. Это косвенные заимствования, слова первоначально арабские, персидские или турецкие; затем они прошли через турецкие, русские и западноевропейские языки и в связи с этим выступают во многих вариантах. Лексикографические исследования показывают целый эволюционный процесс адаптации этих слов к польскому языку – в особенности на фонетическом уровне. Здесь следует привести такие слова, как: *Asrafil* (SWil), *Azrael*, *Azrail*

'al-ḥinnā, 'hiğra, fatwā, dār, все арабские слова с окончанием на –a –ā, –ā' в именительном падеже, то есть большинство имен женского рода, в случае, если они заимствовались то ли прямо из арабского языка, то ли посредством другого языка, согласно польской морфологической традиции рассматриваются как слова женского рода, а слова с нулевым окончанием как мужского рода» – *W. P. Turek. Słownik zapożyczeń pochodzenia arabskiego w polszczyźnie. Kraków: 2001. С. 58.*

(SMick, SWil), *džin* (SMick, SWO), *imam* (из ар.), *iman* (французское посредство) (SWil, SW, SLam, SDor, SWO), *katyb*, *kiatib*, *kjalib* (SWil, SW), *malek* (SWil), *miuezzin*, *muezzin*, *muezim*, *muezin*, *muezym*, *muezyn* (SMick, SWil, SW, SDor), *Monkir*, *Nakir*, *Nekir* (SMick, SWil). Из них следует выделить слова общие для письменных памятников татар ВКЛ и коранических переводов, то есть: *Asrafil* – ср. KB1 **Israfil*, *džin* – ср. KB2 *džinn*, K3 *jinn* и *malek* – ср. KB1 **Malek*, KB2 **Malik*, K3 **Mālik*. Кроме того, словари польского языка отмечают слова арабского происхождения, выступающие только в польских переводах Корана, напр. *eblis*, *iblis* (SWil, SW, SMick, SDor) или *afryt*, *efrit*, *ifrit* (SMick, SDor, SWO) – ср. KB1 KB2 K3 *Iblis*, KB1 *Eblis*, K3 *Iblīs*; KB1 KB2 *Ifrit*.

Итак, только часть иноязычных слов, выступающих в письменности литовско-польских мусульман, отмечается польскими лексикографами. Они выступают прежде всего в словарях, отражающих состояние восточного варианта польского языка в XIX веке. С одной стороны, это связано с первыми переводами Корана на польский язык, созданными именно в восточной Польше. С другой стороны, не все вышеназванные слова выступают в Коране, они свойственны только письменным памятникам татар ВКЛ. Это свидетельствует, что татары, проживающие с XIV века в Великом княжестве Литовском, оказывали влияние на тамошний язык.

5. Интерференция ислама и христианства в религиозной литературе литовско-польских мусульман

Антропонимы, выступающие и в Коране, и в Библии, то есть *Gabriel* и *Michał*, в польский язык заимствовались из древнееврейского или греческого языка (вследствие принятия христианства и первых переводов Библии). В анализируемых переводах они латинизированы. Зато антропонимы, общие для Библии и Корана, напр. *Azazel*, *Gabriel*, *Michał* и *Rafał* в религиозные тексты татар ВКЛ заимствовались из арабского языка и поэтому они выступают в оригинальной форме: *Azažil*, **Ėbra'il* (*Ėbrak'il*, *Džebra'il*, *Džebra'il*, *Džebra'il*), *Mek'a'il* (*Michael*, **Michajel*, *Mek'a'il*, *Meka'il*, *Mek'ak'il*), *Refe'e*. Иногда в письменных памятниках татар ВКЛ наряду с ориги-

нальными, арабскими формами, выступают латинизированные формы, встречаемые в переводах Библии, напр. *Gabryel* (Ww), *Gebrijel* (T2), **Miḡal* (T2). Этот факт, во-первых, свидетельствует о том, что переводчики колебались между формой, навязанной переводческой основой и традиционным эквивалентом, заимствованным на более ранних стадиях развития польского языка, а, во-вторых, служит примером билингвизма или полилингвизма переводчиков.

В переводах Библии и Корана используются прежде всего родные переводческие эквиваленты. Родные (славянские) лексико-семантические эквиваленты используются также в письменности татар ВКЛ, напр.: *barzdō špatna i strašna stvorenjō* (KK), *pavelbonije pisari* (KL), *p'ek'elnij vojevoda* (KL), **pisarze pobłażający* (Ww), *posłaniec zemsty niebieskiej* (Ww), *z'veceni* (T2 *zwiedzeni*). Кроме того, в T1 употребляется особый эквивалент для арабского этимона *kadūk* شیطان *šayṭān*.

Некоторые из них являются общими для письменных памятников литовско-польских мусульман и Библии или для письменности татар ВКЛ и Корана. К этой группе относятся, напр.: *aniol* (KK, ChL, T1, T2, KL, KM, W, A, Ww – ср. переводы Библии и Корана), *duch* (T1, T2 – ср. переводы Библии и Корана), *czart* (Ww, KB1 – ср. старопольские переводы Библии), *poseł, posłaniec* (KM, Ww – ср. переводы Библии и Корана), *szatan* (KK, ChL, T1, T2, KL, KM, W, A, Ww – ср. переводы Библии и Корана), **zrajca* (KK – ср. переводы Корана), *zvodca* (KK – ср. переводы Библии), *zwodziciel* (T1 – ср. переводы Библии и Корана), а также перифразы: *anhel bożi* (KM – ср. переводы Библии и Корана), **dūch śwenti* (T1 – ср. переводы Библии и Корана), *moci anielsk'e* (KM – ср. переводы Библии), **neprijacel jawni, *neprijacel welk'i jawni* (T1, T2 – ср. переводы Библии и Корана), **slūga bōži* (T1, T2 – ср. переводы Библии и Корана). Однако в письменности татар ВКЛ они функционируют наряду с оригинальными, арабскими формами, перемещенными или славизированными, напр. *melek* (из ар. ملك *malak*), *szejtan* (из ар. شیطان *šayṭān*).

В письменности татар ВКЛ по отношению к ангелам употребляются также обращения, представляющие следующую модель адресативности: обращение, состоящее из двух частей: 1) местоимения второго лица или его субститута и 2) факультативного допол-

няющего компонента. Выбор как субститута местоимения второго лица, так и дополняющего компонента был обусловлен социальными факторами.²³ Следует их отнести к прямым обращениям, то есть к относящимся прямо к интерлокутору и выступающим прежде всего в звательной форме. В письменности литовско-польских мусульман в качестве субститута местоимения второго лица чаще всего употребляется слово *brat*, заимствованное из системы дворянского титулования (ChL, KM). Факультативным дополняющим компонентом являются такие номинации, как *Džebrail*. Из соображений вежливости такие номинации сопровождаются символическим титулом *jego miłość*. В некоторых контекстах употреблялись только символические титулы – ср. *israfil jeha miłość* (KM строка 82, в. 5, с. 99); *Džebra'il jeha miłość* (KL – за А, с. 65).²⁴

Памятникам письменности татар ВКЛ свойственно образование неологизмов с помощью высокопродуктивных (в особенности в среднепольском языке) формантов *-(al)nik* и *-ca*, напр. *dušejemca* (сложное слово) и **pytalnik* (*pitalnik'i*, **pytalniki*, *pūtalnik'i*).

В письменности татар ВКЛ – в области фразеологии – большинство использований подтверждается в словарях польского языка²⁵ или/и в библейских переводах, с которыми татары встретились хотя бы в религиозных полемиках. Итак, например, для обозначения ангела Гавриэля употребляется выражение *anhel boží* (KM) – ср. Kśw ar 8 *angel boży* (SStp I, 38); Rdz 28, 12; 31, 11 *anioł Boży* (BB, BN, BW, BG, BT), а также Łk 12, 8 *anioł Boży* (BB, BN, BW, BG, BT) или Mt 2, 19 *anioł Pański* (BB, BW, BG, BT) и *anioł Jehowy* (BN), в KuczbKat 420, в свою очередь выражение *anioł Boży* употребляется для обозначения ангела Рафаэля < *anioł boży*; *boski* < лат. *angelus Dei*, *angelus Domini* (Vulg) (SPolXVI I, 172); *anheli nepešk'ije* (KM)

23 K. Pisarkowa. Jak się tytułujemy i zwracamy do drugich // Język Polski. z. 1. 1979. С. 7–8.

24 E. Umińska-Tytoń. Pan i ksiądz. Z dziejów form adresatywnych // Z przeszłości i terażniejszości języka polskiego. ред. J. Kamper-Warejko, J. Kulwicka-Kamińska, K. Nowakowska. Toruń: 2007. С. 201–215.

25 Объяснение сокращений цитируемых памятников находится в исторических словарях польского языка.

– ср. Mt 24, 36 *aniolowie niebiescy* (BB, BN, BW, BG, BT), а также Łk 22, 43; Gal 1, 8 < *aniolowie niebiescy* или *aniol(owie) z nieba* < лат. *angelus de caelo, angelus caelorum* (Vulg.) (SPolXVI I, 172); *anheli 'aršovije* (KM), *'enheli 'eršovije* (KŁ), *'arš zeržaćije anheli* (KM), или *aniolowie tronowi* – ср. BiałKaz E 3v *stoleczni* (старопол. *stolec* ‘tron’) *Aniolowie*²⁶; **aniol stróż* (Ww) – ср. CzechRozm 231v, LatHar 40, 47, Wuj NT XXXXXV, 76, RejAp 81v < *Aniol stroż* < лат. *angelus custos, angelus tutelariorum* (Vulg.) (SPolXVI I, 173 – ср. SMick I, 69 и 70, SWil I, 22, SDor I, 142); для обозначения ангела Гавриэля **dūch śwenti* (T1) – ср. *Duch Świąty* (SPolXVI VI, 129, SL I, 553, SMick II, 254); Dz 10, 38; Ps 51, 13 *święty duch*, однако в значении ‘третье Лицо Святой Троицы’; для обозначения ангелов RejAp 56, RejWiz 179, RejAp 102 *duchowie święci* (SPolXVI VI, 136); *moci anielśk'e* (KM) – ср. Naw 81 *angyelskye mocy* (SStp IV, 310 – ср. SPolXVI); **neprijacel jawni* (T1), **neprijacel welk'i jawni* (T1, T2) – ср. *jawny nieprzyjaciel* < лат. *palam adversarius* и *wielki nieprzyjaciel* < лат. *inimicus magnus*, но для обозначения людей (SPolXVI XVII, 575–576), а также KrowObr 49v, GrzegRóżn E 2v, RejPos 49v и т. д. *wielki* (а. *nawiętzy*) (*i ciężki*) *nieprzyjaciel* как название дьявола (SPolXVI XVII, 578); **śluga bōżi* (T1, T2) – ср. *śluga boży* ‘предсказатель’ (ср. SStp VIII, 296), ‘приверженец (чаще всего какой-л. идеи, поклонник с оттенком положительной оценки)’ тоже как названия ангелов (ср. SMick VIII, 191).

Однако есть и такие фразеологические сочетания, которые выступают только в религиозной литературе ислама. К ним принадлежат выражения: *anheli strogije* (KM), **'enh'el strašnij* (KŁ), *'enh'el padobnij ptaχu* (KŁ), *'enh'el smūtnij* (KŁ), *zaslūžonije anheli* (KM), *pavelbonije pisari* (KŁ), **pisarze pobłażający* (Ww), *poslaniec zemsty niebieskiej* (Ww), *p'ek'elnij vojevoda* (KŁ), *mukari pek'elnije* (KK – ср. KŁ, W), **strašnije strogije mūkary* (KM), *barzdō špatna i strašna stvorenjō* (KK), *šetan zvodca* (KK), а также особые номинации (иногда они выступают в оригинальной форме, а иногда они переводятся

26 Ср. S. Reczek. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków: 1968. С. 473 – слово *stolecznik* ‘начальник, тот, кто находится наиболее к престолу’ *Przedniejszy z aniołów, stolecznicy, cherubinowie, serafinowie* BLeop.

или дополняются родным эквивалентом): *Dedždžal preklentij* (KL) из ар. دجال Dağğal + *preklentij*; ‘*eršovij kūr*’ (KL), то есть ‘престольный утренний певец, петух’ из ар. عرش ‘arš + *kūr*; *ruχ śventi* (T2) из ар. روح rūḥ и ар. قدس quds ‘святое место, святилище.’

6. Польские переводы Библии и Корана – анализ перевода и указание влияния библейских переводов на стиль и язык коранических переводов

Кораническим переводам свойственна сильная метафоризация языка. Метафора является одним из чаще используемых языковых механизмов номинации. Итак, ангелы наделяются свойствами людей, животных или предметов. К общим для Библии и Корана родным названиям, образованным с помощью таких языковых механизмов номинации, как семантическая деривация (в том числе неосемантизация), следует отнести, напр. *klamca* (KB2, K3), *kusiciel* (KB1, KB2), *nieprzyjaciel* (KB1, KB2), *opiekun* (KB1, KB2), *posłaniec* (KB1, KB2, K3), *śluga* (KB1, KB2, K3), *wojska* (KB1, KB2, K3), *wróg* (KB2, K3), *wysłannicy* (KB2), *zastępy* (KB1, KB2, K3), *zgrupowanie* (KB1, K3), *zwodzieciel* (KB2). В коранических переводах они выступают также как один из компонентов перифразы, напр. *kusiciel rodzaju ludzkiego* (KB1), *jawny nieprzyjaciel* (KB1), *otwarty nieprzyjaciel* (KB1), *poseł Boży* (KB1), *posłaniec niebieski* (KB1), *najwyższa rada* (KB2), *śluga zemsty* (KB1), *śluga Najwyższego* (KB1), *władca dołu* (KB1), *zastęp aniołów* (KB1), *czujny zastęp* (KB1), *zastęp niebieski* (KB1 – ср. BB, BG, BT), *górne zgrupowanie* (KB1), *zgrupowanie dżinów* (KB2), *zgrupowanie duchów niebieskich* (KB1), *wielki zwodzieciel* (KB2). Выступающими в Библии неосемантизмами, в коранических переводах функционирующими только как компонент перифразы, являются также *rada*, *władca*, *zgrupowanie*. Также и в Библии дьявол определяется как *władca złych duchów* и *władca tego świata*, а ангелы как *rada sprawiedliwych* (BW, BT), *rada szczerých* (BG), *wojska Boga żywego* (BB, BW, BT), *wojska Boga żyjącego* (BG), *wojsko niebieskie* (BW, BG), *zgrupowanie Pana*, *zgrupowanie świętych* или *zgrupowanie bogów* (BT). В коранических переводах, в свою очередь, выступают, например, следующие неосемантизмы: *buntownik*

(KB2, K3), *gońcy* (KB1), *nadzorca* (KB2), *nieposłuszny* (KB1), *ostrzegający* (KB2), *pokusiciel* (KB1), *pokuszenie* (KB2), *popędzający* (KB2), *posłannik* (WzK), *spotykający* (KB2), *sprawiedliwi* (KB2, K3), *strażnik* (KB2, K3), *stróż* (KB1, KB2), *świadek* (KB1, KB2), *towarzysz* (KB1, KB2, K3), *wspomożyciel* (KB2), *zdrajca* (KB2); только как компонент перифразы: *najwyżsi dostojnicy* (KB2), *jeźdźcy uzbrojeni* (KB1), *niewdzięczny względem/wobec Pana* (KB2, K3), *niewierny Bogu* (KB1), *czci przedmiot* (KB1), *pułki niebieskie* (KB1), *sprawdzający z drogi* (KB2), *sprzymierzeniec niewiernych* (KB1). Другие перифразы это: *strażnicy Gehenny* (KB2), *stróże piekła* (KB1), *stróże ognia* (KB2), *wieczny towarzysz* (KB1).

В библейских и коранических переводах можно привести также примеры симплификации и амплификации. Симплификационные преобразования встречаются довольно редко – ср. словосочетание ар. ماضل *mudīll* ‘ошибочный, обманчивый’ и ар. مبين *mubīn* ‘очевидный, бесспорный,’ переведенное как *kusiciel* (KB1) или словосочетание ар. عدو *aduww* ‘враг, недруг’ и ар. مبين *mubīn* ‘очевидный, бесспорный,’ переведенное как *nieprzyjaciel* (KB1, KB2). К амплификационным преобразованиям (выступающим прежде всего в KB1) относятся, напр. ар. ملك *malak*, переведенное как *aniołowie Boscy, jeźdźcy uzbrojeni, zastępy niebieskie* (KB1), ар. رسول *rasūl* ‘посланец, эмиссар,’ переведенное как *anioł śmierci, posłaniec niebieski, sluga zemsty* (KB1), ар. جند *ğund* ‘солдатство, войско, армия,’ переданное как *straż aniołów, zastęp aniołów* (KB1), ар. صيحة *şayha* ‘крик, вскрик, окрик,’ переведенное как *Anioł niszczyiciel, Anioł zatracenia* (KB1) и другие, напр. ар. حرس *ħaras* 1. ‘стража, караул’; 2. ‘охрана’; 3. ‘гвардия’ – *czujny zastęp* (KB1), ар. حافظ *ħāfiz* ‘сторож, охранник’ – *Anioł stróż* (KB1), ар. غرور *ğurūr* 1. ‘иллюзия, мираж’; 2. ‘снобизм’; 3. ‘суетность’ – *wielki zwodziciel* (KB2), ар. متلق *mutalaqq* – существительное, образованное от глагола تلقى *talaqqà* 1. ‘получить’; 2. ‘встречать’; 3. ‘принимать, признавать’ – *Zapisujący anioł* (K3), ар. فتنة *fitna* 1. ‘привлекательность, обаяние, прелесть’; 2. ‘очарование’; 3. ‘тревога, беспорядок, интриги, несогласие’ – *próba od Allacha* (K3), ар. مرسل *mursal* 1. ‘высланный, пересланный, отосланный’; 2. ‘делегированный, откомандированный’; 3. ‘отправленный, транслированный, переданный’ – *sluga Najwyższego* (KB1),

ар. صالح *šāliḥ* 1. ‘пригодный, подходящий, надлежащий; полезный, хороший, солидный, правильный’; 2. ‘верный, преданный’ – *duch cnotliwy* (KB1), ар. خزان *ḥazzān* 1. ‘плотина’; 2. ‘резервуар’ – *stróż piekła* (KB1, K3), *stróż ognia* (KB2), *strażnik Gehenny* (KB2), ар. قرين *qaṭīn* ‘товарищ, друг’ – *wieczny towarzysz* (KB1), ар. زبانية *zabāniya* – *anioł kary* (K3). В библейских переводах проявлением амплификации являются, напр. гр. δαίμων *daimon* ‘демон, злой дух,’ переведенное как *zły duch, duch nieczysty* (BT); древнеевр. שָׂרָט *šārat* ‘служить, прислуживать, обслужить,’ переведенное как *szużyć służbę* (BN) или древнеевр. כָּזַב *kāzab* ‘лгать, солгать, обманывать, вводить в заблуждение, оказаться обманщиком,’ переведенное в Hi 12, 16 с помощью фраз или метафорических выражений – *ten, który drugiego w błąd zawodzi* (BB), *w błąd zawodzący* (BG), *człowiek, który jako wodę pije nieprawość* (BW).

Анализируемые переводы обыкновенно характеризуются полиэквивалентностью, так как большинство слов в языках-источниках является полисемантическими, а переводчики Библии и Корана стараются передать эту многозначность.

С полиэквивалентностью связаны альтернатиции: а. возникшие вследствие использования слов и форм, принадлежащих к одной семье, но представляющих разные грамматические категории (напр. древнеевр. כָּזַב *kāzab*, переданное как *klamać*, а также как *klamliwy, kłamstwo* – ср. BB, а также BW и BG; гр. ἐχθρός *echthros* ‘враждебный,’ переведенное как *nieprzyjaciel, nieprzyjacielski* – ср. BG; древнеевр. שָׂרָט *šārat*, переданное как *szużebnik*, а также как тавтологическое словосочетание *szużyć służbę* – ср. BN; гр. σατανᾶς *satanas* ‘противник,’ переведенное как *szatan, szatański* – ср. BG), б. чередования, возникшие вследствие использования слов, принадлежащих к одной или разным семьям (также иноязычного происхождения) и представляющих одну и ту же грамматическую категорию – словообразовательные формации (напр. древнеевр. עֶבֶד *‘ebed* ‘слуга, раб,’ переведенное как *sluga, szużebnik* – ср. BB, BG; гр. ἄγγελος *aggelos* ‘ангел’ – как *wysłaniec, wysłannik* – ср. BT; ар. قرين *qaṭīn* как *towarzysz, towarzystwo* – ср. KB1) или эквиваленты с разными значениями (напр. ар. ملك *malak*, переведенное как *anioł i jeźdźcy uzbrojeni* в KB1; ар. صيحة *ṣayḥa*, переведенное как *kara i podmuch* в K3;

древнеевр. רוּחַ *rûaḥ* ‘ветер, дыхание, разум, дух,’ переведенное как *duch, oddech, tchnienie* в ВВ; *duch, dech, wiatr, życie* в ВТ; гр. πνεῦμα *pneuma* ‘дыхание, ветер; дух, душа,’ переданное как *duch, wicher* в ВТ). Одной из причин возникновения так разновидных альтернатив является стремление переводчиков к синтаксической корректности польского перевода, а также к сохранению ясности смысла. Отсутствие грамматического тождества между словами оригинального текста и перевода часто является результатом поисков такой формы перевода, которая наилучше, с точки зрения грамматической корректности, отражает синтаксическую функцию слова в предложении, напр. ар. им. сущ. عصى *aṣī* ‘бунтовщик, мятежник’ переводится как *nieposłuszny* – ср. KB1; ар. им. сущ. كذب *kaḍib* 1. ‘ложь’; 2. ‘фальшь, неправда’ как *klamać* – ср. KB1; ар. причастие действительного залога نذير *naḍīr* ‘предупреждающий’ как *natchnąć* – ср. KB1; ар. им. сущ. سائق *sā’iq* 1. ‘водитель, шофер, машинист, пилот’; 2. ‘погонщик скота’ как *popędzający* – ср. KB2; ар. им. сущ. صاحب *ṣāḥib* 1. ‘друг, товарищ, коллега, соучастник, сотоварищ’; 2. ‘сторонник, приверженец’; 3. ‘владелец, хозяин, собственник, правитель’ как *stać na straży* – ср. K3; ар. им. сущ. شهيد *šahīd* ‘мученик’ как *dawać świadectwo* – ср. K3; древнеевр. глагол כָּזַב *kāzab* как *klamliwy, kłamstwo* – ср. ВВ, ВВ; гр. глагол πειράζω *peiradzō* ‘подвергать испытанию, искушать’; ‘стараться что-л. сделать’ как *kusiciel* – ср. ВВ, ВВ, ВВ, ВТ; гр. им. сущ. σατανᾶς *satanas* как *szatański* – ср. ВВ; гр. им. прил. ἐχθρός *echthros* как *nieprzyjaciel* – ср. ВВ, ВВ, ВВ, ВВ, ВТ; древнеевр. глагол סָכַח *sāḥak* ‘закрывать’; ‘прикрыть’; ‘покрыть’; ‘скрыть’; ‘быть недоступным’ как *nakrywający* – ср. ВВ, ВВ, ВВ или *okrywający* – ср. ВВ; и т. д. Обогащенное и разнообразное количество эквивалентов, служащих в переводе для передачи одного слова оригинального текста, следует рассматривать, например, как результат контекстового перевода (ср. в особенности KB1 и K3). Таким образом образовались синонимы: комбинаторные (когда слова, составляющие альтернативу, не проявляют – за исключением данного перевода – семантического сходства), напр. в KB1 *anioł-jeździec* из ар. ملك *málak*, *pulk-straż* из ар. جند *ğund*, в K3 *kara-podmuch* из ар. صيحة *ṣayḥa* или в ВТ *duch-wicher* из гр. πνεῦμα *pneuma*), и стилистические (стремление дифференцировать лексику перевода, напр.

употребление слов тождественных по смыслу, но различающихся этимологией, принадлежащих к разным стилистическим вариантам польского языка – ср. в KB1 *pokusiciel-kusiciel* из ар. شیطان *šaytān*; BB, BG *czart-diabel* из гр. δαίμων *daimon*; BN *sprzeciwnik-przeciwnik* из древнеевр. שָׂטָן *šāṭān*; BB, BG *sluga-služebnik* из древнеевр. עֲבֵד *‘ebed*; BN *rycerstwo-wojsko* из древнеевр. חַיִל *ḥaīl* ‘сила, армия, войско, мощность’; BN *hufy-wojsko* из древнеевр. מַרְכָּבָה *ma‘arākāh* ‘войско, шеренга, боевой порядок’; BN *żolnierstwo-wojsko* из гр. στρατεύμα *strateuma* ‘вооруженные силы, войско, отряд’ или из гр. στρατιά *stratia* ‘войско’; ‘отряд’).

В зависимости от значения и структуры оригинального текста, а также от лексических ресурсов польского языка, можно назвать несколько видов мотивации подбора эквивалентов: 1) семантическая – варьирование эквивалентов может быть обусловлено полисемией переводческих основ, для которых переводчик подбирал разнообразные – в зависимости от контекста – родные показатели (это является причиной возникновения переводческих дублетов), напр. ар. رسول *rasūl*, переведенное в KB1 как *anioł śmierci, posłaniec niebieski, goniec, sluga zemsty*; ар. ولي *walī* 1. ‘сторонник, помощник, союзник’; 2. ‘покровитель’; 3. ‘мусульманский святой, человек, близкий Богу’, переведенное в KB1 как *opiekun, sprzymierzeniec*, а в K3 как *przyjaciel, orędownik*; древнеевр. רִאֵה *rūah*, переведенное в BT как *duch, tchnienie, dech, życie, wiatr* или в BB как *duch, oddech, tchnienie*; 2) композиционная – наличие лексических чередований вытекает из композиционных признаков произведения (поиски синонимических эквивалентов для отражения ряда синонимов в оригинальном тексте), напр. *posłaniec-goniec* и *posłaniec-sluga* в KB1 как перевод ар. رسول *rasūl*, *pulk-zastęp* в KB1 из ар. جند *ğund*, *duch-szatan-pokusiciel-kusiciel* в KB1 из ар. شیطان *šaytān*, *nieprzyjaciel-wróg* в KB2 из ар. عدو *‘aduww*, *sprzymierzeniec-opiekun* в KB1 и *przyjaciel-orędownik* в K3 из ар. ولي *walī*, *wyslannik-posłaniec* в KB2 из ар. مرسل *mursal*, *stróż-strażnik* в KB2 из ар. خزان *hazzān*, *wódz-książe* в BB, BW, BG или *pan-książe* в BB из гр. ἀρχὼν *archōn* ‘повелитель, князь, начальник, вождь, должностное лицо,’ *wróg-nieprzyjaciel* в BN из древнеевр. יָבֵן *‘ōjēb* ‘враг, недруг,’ *wyslannic-posłaniec-wyslannik* в BT из гр. ἄγγελος *aggelos*, *gromada-zbór* в BN или *zgromadzenie-kościół* в BW

из древнеевр. *קָהָל* *qāhāl* ‘собрание, созыв, множество’; 3) стилистическая – включает в себе переводческие дублеты, состоящие из слов, представляющих хронологически разные ресурсы польского языка, напр. *pokusiciel-kusiciel* в KB1 как перевод ар. *شيطان* *šayṭān*; этимологические варианты, составляющие оппозицию: иноязычное – родное, напр. *k’ata’ib-pisar*, *melek-anhiel*, *ruḫ-dūch*, *szejtan-szatan-kadūk*, *szejtan-zvodca*, *zebanje-mukari* у татар ВКЛ и т. д.

Некоторые выражения или сочетания, выступающие в коранических переводах (особенно в KB1), подтверждаются в словарях польского языка и частично также в библейских переводах, напр.: *aniołowie Boscy* (KB1) – ср. Kśw ar 8 *angel boży* (SSp I, 38); Rdz 28, 12; 31, 11 *anioł Boży* (BB, BN, BW, BG, BT), а также Łk 12, 8 *anioł Boży* (BB, BN, BW, BG, BT) или *anioł Jehowy* (BN); в KuczbKat 420 выражение *anioł Boży* употребляется как название ангела Рафаэля < *anioł boży*; *boski* < лат. *angelus Dei*, *angelus Domini* (Vulg.) (SPoLXVI I, 172); *aniołowie niebiescy* (KB1) – ср. Mt 24, 36 *aniołowie niebiescy* (BB, BN, BW, BG, BT), а также Łk 22, 43; Gal 1, 8 < *aniołowie niebiescy* или *anioł(owie) z nieba* < лат. *angelus de caelo*, *angelus caelorum* (Vulg.) (SPoLXVI I, 172); *anioł święty* (KB1) – ср. Fl 33, 7 *svoty angol boszi*; Kśw ar 8 *angela svego svotego* (SSp I, 39); Łk 9, 26 (BB, BN, BW, BG, BT) < *święci aniołowie* < лат. *sanctus angelus* (Vulg.) (SPoLXVI I, 173 – ср. SMick I, 69); *anioł Pański* (KB1) – ср. MurzNT Mt 2, 19; Łk 1, 11; Leop Gen 31, 11; Ex 14, 19; Hbr 5, 23; BibRadz Gen 16, 7.9.10; Mt 1, 24; BudBib NT Act 12, 7; 7, 30; 8, 26; WujNT Mt 1, 20; 2, 19; Łk 2, 9 и т. д. или Mt 2, 19 (BB, BW, BG, BT) как название ангела Гавриэля < *anioł pański* < лат. *angelus Domini*, *angelus Dei* (SPoLXVI I, 172–173 – ср. SMick I, 69); как названия конкретных ангелов, то есть Мункира и Накира, но и ангелов вообще употребляются *anioł stróż* (KB1, KB2) – ср. CzechRozm 231v *Aniołowie strożowie*, LatHar 40, 47 *Anioł stroż*, WujNT XXXXXV, 76 *anioł stroż*, а также RejAp 81v < лат. *angelus custos*, *angelus tutelariorum* (Vulg.) (SPoLXVI I, 173 – ср. SMick I, 69 и 70, SWil I, 22, SDor I, 142); *anioł śmierci* (KB1, KB2, K3) – ср. BielKron 466 *Anioł śmierci* (SPoLXVI I, 173; а также SMick I, 69–70, SDor I, 142); *anioł niszczyciel* (KB1) – ср. 1 Krn 21, 15 (BT); также описания возложенных на ангелов функций, выступающие в Библии и польской литературе, напр. BiałKaz E 3v *stoleczni Anioł-*

wie (старопол. *stolec* ‘престол’) или Ps 103, 20 *aniolowie* [...] *wykonyjacy Jego rozkazy* (BT) в коранических переводах переводится как *aniolowie otaczajacy tron Jego* (KB1), *aniolowie noszacy tron Najwyzszego i otaczajacy go* (KB1), *aniolowie otaczajacy wokolo tron* (KB2); *Aniolowie wykonywajacy wyroki nieba* (KB1); *sludzy Boga* (KB1) – ср. *sluga boży* в значении ‘предсказатель’ (SStp VIII, 296), ‘приверженец (чаще всего какой-л. идеи), поклонник (с оттенком положительной оценки)’ тоже как названия ангелов (за SMick VIII, 191) или ‘священник, монах’ (SWil II 1513, SDor VIII, 421) и 2 Krn 1, 3; Ps 18, 1 (BG i BT); 2 Krn 24, 9 (BT) ‘пророк’ и Ezd 5, 11 (BT) *sluga Bogalshudzy Boga*, но не как названия ангелов; *sludzy Najwyzszego* (KB1) – ср. Dn 3, 93 *sludzy Najwyzszego Boga* (BT), но не как названия ангелов; *poseł Boży* (KB1) – ср. CzechRozm 41v *poseł Boży*; а также MWilkHist A3, CzechEp 212, ArtKanc A4v, A7v, A10v и ArtKanc A7v, A 14 *wielki Boży poseł*, также LatHar 478 < лат. *nuntius Dei* (SPolXVI XXVIII, 462–463); *poslaniec niebieski* (KB1) – ср. Gn 2a *posel niebieski* (SStp VI, 423), RejAp 160 *posel niebieski*, а также SkarŻyw 557 (SPolXVI XXVIII, 462–463); *święty Duch/Duch święty* (KB2) – ср. *Duch Święty* (SPolXVI, VI, 129, SL I, 553, SMick II, 254); Dz 10, 38; Ps 51, 13 *święty duch*, однако в значении ‘третье Лицо Святой Троицы’; как названия ангелов RejAp 56, RejWiz 179, RejAp 102 *duchowcie święci* (SPolXVI VI, 136); *duchy niebieskie/niebieskie duchy/duchowcie niebiescy* (KB1) – ср. RejPs 220 *duch niebieski*, а также RejAp 55, 156v, RejPos 165v *duchy niebieskie*, KuczbKat 400, SkarŻyw 589 и т. д. (SPolXVI VI, 136); *zły duch/złe duchy* (KB1) – ср. RejWiz 138v, ОпечŻyw 81v, PatKaz I 5 и т. д. (SPolXVI VI, 138, SMick II, 254), Sdz 9, 23 *zły duch/duch zły* (BB, BN), Mt 8, 16 *złe duchy* (BT); *duchy przewrotne* (KB1) – ср. *duch przewrotny* SPolXVI (VI, 137); *duch buntowniczy/duchy buntownicze* (KB1) – ср. *duchy buntownicze* (SMick II, 254); *duch niezgody* (KB1) – ср. Sdz 9, 23 *duch niezgody* (BT); *duch wierny* (KB1, KB2) – ср. Prz 11, 13 *duch wierny* (BT), но как название ангела, а человека, сохраняющего тайну; *wojsko z niebios, wojska niebios* (KB2) – ср. Ne 9, 6 *wojsko niebios* (BT), *wojsko niebieskie* (BN, BW, BG); *zastępy niebieskie* (KB1) – ср. BZ III Reg 22, 19 *zastop nyebyeski* (SStp XI, 209), а также 1 Krl 22, 19 *zastępy niebieskie* (BT) и 2 Krn 18, 18 *zastępy niebieskie* (BB, BN, BT); *zastępy aniolów* (KB1) – ср. 1500 GIKazB I, 48 *zasthapy angyo-*

low (SStp XI, 209), а также Mt 26, 53 *zastępy aniołów* (BT); *potępiony szatan* (KB1) – ср. SiebRozmyśl B3v *szatan, duch potępiony* (SPolXVI XXVIII, 368); *szatan przeklęty* (KB2) – ср. KarnNap A4v *przeklęty szatan*, а также ArtKanc H16 и т. д. (SPolXVI XXXI, 373).

Однако значительная часть выражений, выступающих в польских коранических переводах, составляет оригинальную кораническую фразеологию. В KB1 это, напр. *straszliwie przerażający Aniołowie, Aniołowie porywający dusze gwałtownie, aniołowie zamieszania, aniołowie niewidzialni oczom, wybrani Aniołowie, Anioł zatracenia, szatan niewierny, szatan ukamienowany/ukamienowany szatan, buntowniczy szatan* и т. д. В KB2 выступают следующие фразеологические сочетания: *aniołowie straszni, aniołowie ogromni, szlachetny anioł, szatan buntownik, zbuntowany szatan, szatani budujący, nurkujący, parami spętani* и т. д.

7. Выводы

Религиозная письменность польских мусульман – в области анализируемой лексики – характеризуется высокой частотностью оригинальной, то есть арабской или турецкой, перемещенной или славизированной терминологии, ввиду чего подчеркивается ее непереводаемость, а тем самым отсутствие адекватных лексико-семантических эквивалентов в польском языке. Употребление иноязычной терминологии является также условием точности и ясности перевода. Если же предпринимается попытка перевести эту терминологию, становится видным влияние христианской лексики и фразеологии на язык ислама, исповедуемого татарами ВКЛ с XIV века, что изображает процесс взаимного проникновения и влияния двух монотеистических религий в условиях их сосуществования в христианской среде, продолжавшегося несколько веков.

Кроме того, замечаются поиски наиболее адекватных эквивалентов среди родных языковых средств, что приводит к новаторским переводческим решениям, напр. к образованию неосемантизмов (*'eršovij*) *kūr* как название ангела Михаэля, *pavelbonije pisari* как названия Мункира и Некира, *p'ek'elnij vojevoda* или *barzdō špatna i strašna stvorenjō* как названия дьявола и т. д.) и неологизмов (напр.

dušejemca, **pytalinik*). Поиски адекватных эквивалентов привели также к тому, что в религиозных текстах мусульман выступают лексико-семантические дублиеты, напр. *k'ata'ib-pisar*, *melek-anhiel*, *ruχ-dūch*, *szejtan-szatan-kadūk*, *szejtan-zvodca*, *zebanje-mukari*. Особую группу памятников письменности татар ВКЛ составляют тефсиры (из ар. تفسير *tafsīr* 'комментарий, интерпретация, примечание, объяснение чаще всего к Корану'), то есть подстрочные переводы Корана. Тефсир является не только переводом коранического текста, но и – о чем свидетельствует этимология этого слова – его объяснением. Именно поэтому выступающие в переводах перемещенные или славизированные слова, а также родные переводческие элементы сопровождаются многочисленными словами или выражениями, разъясняющими их значение, напр. в Т1 прибавляется имя ангела **ǧebra'il* (fol. 6a, w. 2b, 379), слово *zwodzicel* как пояснение дьявола (fol. 9a, w. 1b, 384), выражение **slūga bōži* как пояснение ангела (fol. 23b, w. 2b, 414). Однако тенденция к пояснению, в особенности иностранных терминов, наблюдается также и в других памятниках письменности татар ВКЛ, напр. в XIX-вечном китабе, где в одной из строф слово *anhiel* служит пояснением иноязычного термина *melek* (W).

В коранической же переводческой практике мы встречаемся главным образом с использованием не заимствованных трансляционных эквивалентов, напр., *aniol*, *duch*, *czart* (только в KB1), *genjusz* (только в KB1), *szatan* и под. По этой причине также некоторые слова или сочетания, присутствующие в коранических переводах (особенно в KB1), находят подтверждение в словарях польского языка и в библейских переводах. Однако значительная часть слов в польских переводах Корана составляет оригинальную кораническую фразеологию, которая отображает сильно метафоризированный язык первоисточника. Отсюда одним из механизмов номинации есть метафора. Ангелы наделяются чертами людей (антропоморфизация), животных (анимизация) или неживых предметов (реификация).

Среди коранических переводов ярко отличается KB1. Это связано с: 1) выступающей в нём совсем другой эквивалентией, напр. ملك *malak* переводится как *aniol*, но и как *jeźdźcy uzbrojeni*, *zastępy niebieskie* – ср. *aniol* (KB2 и K3), ар. رسول *rasūl* переводится как

posłaniec niebieski, anioł śmierci, goniec, sługa zemsty – ср. *posłaniec* (KB2 и K3), ар. جند *ğund* как *zastęp*, а также как *straż aniołów, zastęp aniołów, pulk* – ср. *wojsko* (KB2), *zastęp* (KB2, K3), ар. حرس *ħaras* как *czujny zastęp* – ср. *straż* (KB2 и K3), ар. عصي *‘aṣī* как *nieposłuszny* – ср. *buntownik* (KB2 и K3), ар. شيطان *šayṭān* переводится как *szatan*, но и как *duch, kusiciel, pokusiciel* – ср. *szatan* (KB2 и K3) и т. д.; 2) более сильными, чем в других переводах Корана, тенденциями к амплификации, а тем самым с высокой частотностью терминологических сочетаний, среди которых преобладают структуры, состоящие из двух слов, напр. ар. ملك *malak* это *aniolowie Boscy, jeźdźcy uzbrojeni, zastępy niebieskie*, ар. رسول *rasūl* это *posłaniec niebieski, anioł śmierci, sługa zemsty*, ар. مرسل *mursal* это *sługa Najwyższego*, ар. صالح *ṣāliḥ* это *duch cnotliwy*, ар. قرين *qarīn* это *wieczny towarzysz* и т. д., и 3) особой фразеологией, часто экстраполированной из библейских книг или католической традиции, напр. *aniolowie niebiescy, anioł święty, anioł Pański, poseł Boży, posłaniec niebieski, duchy niebieskie/niebieskie duchy, zły duch/złe duchy, zastępy niebieskie, zastępy aniołów* и т. д. Кроме того, автор перевода нарушил лексико-синтаксическую структуру оригинального текста и в связи с этим он вольно передал содержание Корана. Ему свойственна отдельная трактовка любой строки, без учета контекстовых взаимосвязей, выступающих в целой суре, что приводит к разрушению оригинального текста. Таким образом, перевод не вполне отражает коранический стиль.²⁷ Несоответствия замечаются также в интерпретации отдельных строк. Они могут быть обусловлены тем, что к содержанию оригинального текста прибавляются пояснительные слова и – реже – предложения (ср. письменные памятники татар ВКЛ), напр. переводчики выделяют подлежащее там, где в арабском подлиннике имеется только подразумеваемое подлежащее – ср. *anioł Pański* или *aniolowie niebiescy*, а также пояснительные слова или выражения напр. *Koran jest słowem posła Bożego, Aniola świętego*, где *Anioł święty* (в виду имеется Гавриэль) служит для пояснения выражения *poseł Boży*; *Anioł Sydził księgę zamyka*, где слово *Anioł* служит пояснением для слова *Sydził*. К пояс-

²⁷ Замечания о переводе: *N. Jord. Koran rękopiśmienny w Polsce. Lublin: 1994. С. 41–42.*

нительным выражениям принадлежат также, напр. номинации злых духов: *duch nieporządku*, *duch nieposłuszny*, *duch niezgody* и т. д.

Словари:

SDor – *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, Warszawa, I–XI, 1958–1969.

SL – *Słownik języka polskiego* S. B. Lindego, Lwów, I–VI, 1854–1860.

SMick – *Słownik języka A. Mickiewicza*, red. K. Górski, Wrocław-Warszawa-Kraków, I–XI, 1962–1983.

SPolXVI – *Słownik polszczyzny XVI wieku*, red. R. Mayenowa, Wrocław-Warszawa-Kraków, I–XXXII, 1966–2004.

SStp – *Słownik staropolski*, red. S. Urbańczyk, Wrocław-Warszawa-Kraków, I–X (1953–1993) i XI (z. I–VI; 1995–2000)

SWil – *Słownik języka polskiego*, Wilno, I–II, 1861.

SWO – *Słownik wyrazów obcych*, W. Kopaliński, Warszawa 1983.

SLam – *Encyklopedyczny słownik wyrazów obcych*, Warszawa 1939.

ST – *Słownik zapożyczeń pochodzenia arabskiego w polszczyźnie*, W. P. Turek, Kraków 2001.

SW – *Słownik języka polskiego*, red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki, Warszawa, I–VIII, 1900–1927.

Сокращения заглавий текстов-источников:

KK – *Kitab z Kazania*

ChL – *Chamail lipski*

T1 – *Tefsir* – 1725r. fragm.

T2 – *Tefsir* – 1788r. fragm.

KL – *kitab* “лондыński”

KŁ – *Kitab Łuckiewicza* fragm.

KM – *Kitab Milkamanowicza* fragm.

A – Akiner S., *The Vocabulary of a Byelorussian k'it'ab in the British Museum*

W – Woronowicz A., *Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość*

Ww – J. Sobolewskiego *Wykład wiary mahometańskiej czyli islamskiej*

KB1 – *Koran* w przekładzie J. Buczackiego

WzK – *Wersety z Koranu*

KB2 – *Koran* w przekładzie J. Bielawskiego

K3 – *Koran* “лондыński”

BB – *Biblia brzeska*

BN – *Biblia nieświeska*

BW – *Biblia w przekładzie J. Wujka*

BG – *Biblia gdańska*

BT – *Biblia Tysiąclecia*